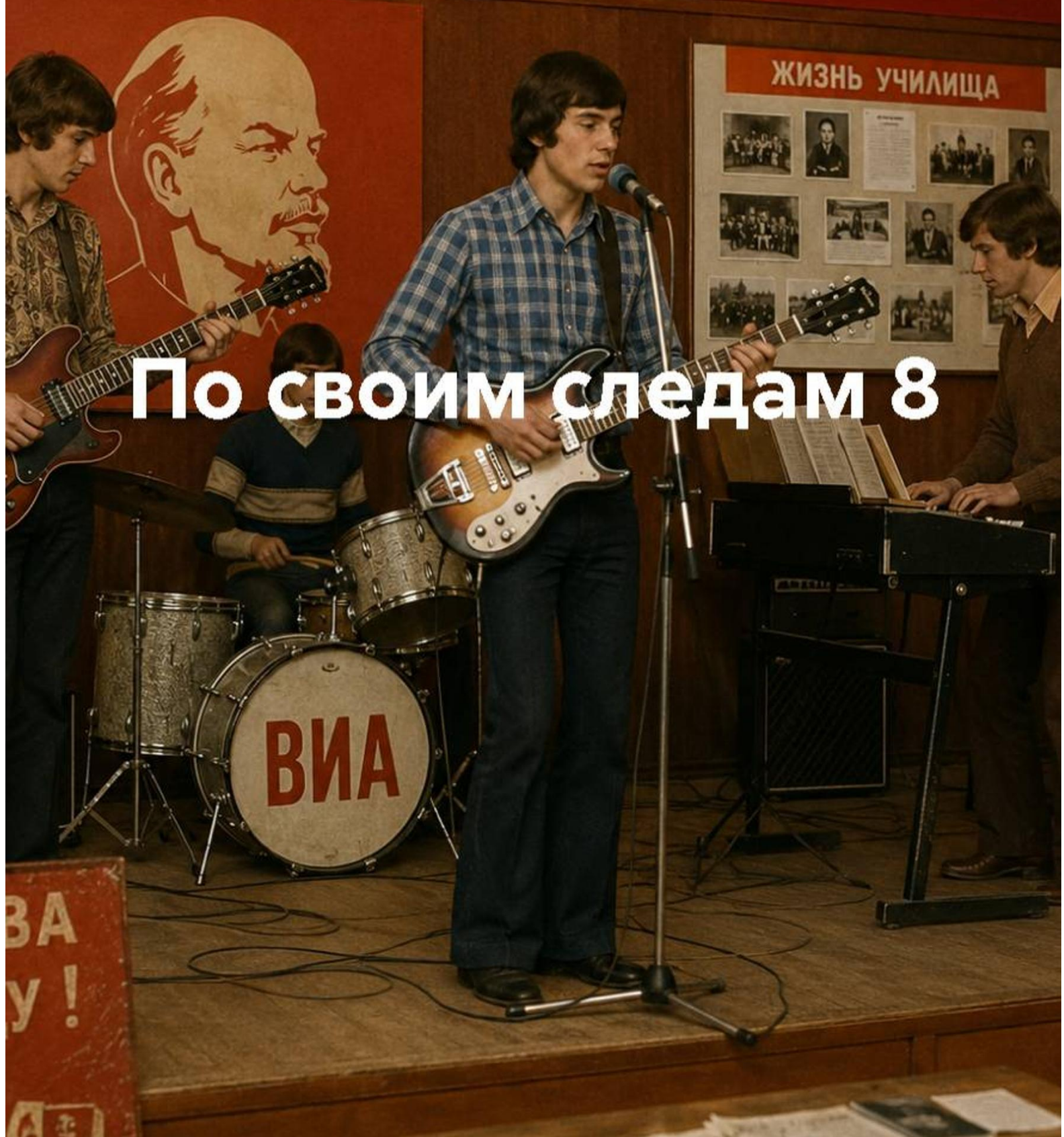

УЧИТЬСЯ, ТРУДИТЬСЯ, БОРОТЬСЯ
И ИСКАТЬ, И НАЙТИ, И НЕ СДАВАТЬСЯ!

Алекс Мерли

По своим следам 8

Алекс Мерли

По своим следам 8

«Автор»

2026

Мерли А.

По своим следам 8 / А. Мерли — «Автор», 2026

Задумывались ли вы когда-нибудь, что время — это не просто тиканье часов? Это нечто гораздо большее. Это та самая тонкая, дрожащая нить между «ещё можно» и «уже нельзя». Это миг, когда именно в твоих руках есть сила повернуть штурвал своей жизни. Исправить ошибку, догнать мечту, обнять того, кто дорог. Сказать важное «прости», чтобы не носить на сердце холодный камень вины. Это развилка дорог прямо у твоих ног. Одна — лёгкая и привычная. Другая — каменистая, уходящая в гору. Но где-то внутри ты знаешь: именно там, на вершине, тебя ждёт твой настоящий рассвет. Каждый день время даёт нам шанс. Шанс выбрать путь, который изменит всё. Шанс стать тем, кем мы хотим быть. Какой выбор ты сделаешь сегодня?

© Мерли А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Алекс Мерли

По своим следам 8

Глава 1

Войдя в фойе, Макарская прислушалась. Нет, ей не показалось: из-за дверей красного уголка доносились звуки полюбившейся ей песни «Крыша дома». О, репетируют!» — мелькнуло у Макарской в голове. «Ничего себе, а как же они без Александра? Замену ему нашли? Ну, красавцы, если так. А впрочем, какая разница, кто там на сцене? Лишь бы концерт был! Эгоистично? Ну да, а что поделать? Сейчас не до любезностей, главное — чтобы всё состоялось».

— Наши репетируют, — Куницын расплылся в улыбке, будто он тут главный. — Умеете вы, Ирина Леонидовна, народ уговаривать.

— Я? — Макарская, была застигнута врасплох, отчего на её щеках проступила краска.

— Ну да вы! А кто же ещё? Махрова вернуть — это ж постараться надо! Вот и говорю: умеете.

И тут же сменил пластинку, не дав ей опомниться.

— Ирина Леонидовна, когда мне сменщика-то найдут? Работаю без выходных, на износ. Куницын скорчил рожу, будто лимон целиком съел.

— Кирилл Иванович, вы же сами знаете, я тут не решаю. Ждите Фёдора Фёдоровича. Придётся вам потерпеть.

— Опять терпеть! — воскликнул Куницын. — Фёдорыч мне то же самое втирал, а толку? Хоть бы кого на время взяли, чтобы я хоть немного отдохнул. Жена мне уже все мозги вынесла. Утверждает, что я себе любовницу завёл, а работа — это всё отмазки.

— Кирилл Иванович, хотите, справку вам напишем, что вы постоянно на работе? Верочка печать поставит, всё как положено.

— Ха-ха-ха! Справку они мне напишет! Да мне жена эту справку, знаете куда засунет? И вас туда же приплетет, в мои любовницы! Так что уж нет, спасибо, обойдусь.

— Разводите, если жена не устраивает, и живите в своё удовольствие. В чём проблема? Зачем вообще женились?

— Легко сказать, Ирина Леонидовна, да трудно осуществить. Я ведь раньше в институте работал. Из-за скандалов жены пришлось уйти. Она страшно ревновала меня к молодым сотрудницам. Дело дошло до парткома. Ей поверили, а мне нет. Чуть партбилета не лишился. А женился по собственной дурости, молодой был, горячий. Впоследствии мне эта горячка боком вышла, но было уже поздно...

Куницын махнул рукой и отвернулся, давая понять, что разговор окончен. Макарская лишь пожала плечами, не зная, как реагировать на его откровения. Разговоры с Куницыным всегда были непредсказуемы, как игра в рулетку. Поэтому она решила сменить тему, чтобы избежать дальнейших неловких моментов.

— Кирилл Иванович, я, пожалуй, пойду, Сами понимаете, дел много. Нужно ещё согласовать с ребятами нюансы их выступления чтобы всё прошло как надо. Вы приходите на концерт — Кирилл Иванович. Двадцать третье это и ваш праздник. Буду рада вас видеть.

— Огромное спасибо за приглашение, Ирина Леонидовна! Вы просто невероятно душевная личность. Эх, мне бы такую жену, как вы!

От такого комплимента Макарская снова зарделась. Куницын удалился, пожелав ей прекрасного дня, и оставив одну. Под звуки музыки, лившиеся из красного уголка, Ирина Леонидовна пыталась привести мысли в порядок. Чувствуя себя немного не в своей стихии, она направилась в зал. Атмосфера здесь была пропитана энергией творчества. Ребята были так

поглощены процессом, что даже не заметили ее. Но ее внимание тут же приковал к себе Махров. Он танцевал с гитарой на сцене, и, хотя его лицо было серьезным, глаза выдавали искреннюю радость и увлеченность. «Значит, ребятам удалось каким-то образом убедить Александра», — пришла к выводу Макарская. — «Какие же они молодцы».

— Доброе утро Ирина Леонидовна! Вы пришли послушать? — спросил я, спрыгнув со сцены и подойдя к Макарской.

— Можете не переживать по поводу концерта, всё будет в лучшем виде.

— Здравствуй Александр, рада тебя видеть, Я услышала музыку и не могла пройти мимо. — Макарская, постаралась скрыть свое удовлетворение от происходящего. — Рада, что у вас всё хорошо.

Она улыбнулась — Ну что ж, я не буду вас отвлекать, — Спасибо, что сдержали обещание.

Макарская кивнула и вышла из красного уголка. Она шла по коридору, и в голове у нее звучала та самая песня — «Крыша дома». Теперь она звучала для нее по-новому, как символ надежды, надежды на будущее.

"Нужно позвонить домой, обрадовать Галю. Она так ждала этого дня. И эта её влюблённость в Александра... Пора бы ей уже повзрослеть, честное слово."

— И что это было? — задал вопрос Хазов, едва дверь за Макарской захлопнулась. — Ирина Леонидовна переживает, — тихо произнесла Катя. — На неё столько всего обрушилось, просто невообразимо. Любой другой на её месте уже бы растерялся, запаниковал... Катя невольно взглянула на Марину. — А Ирина Леонидовна держится молодцом, старается не показывать, как ей сейчас нелегко.

— Это точно — добавил Лёха.

— А давайте мы Ирине Леонидовне песню посвятим.— Произнесло Марина и покраснела.

— Маринка, как ты это себе представляешь?— язвительно спросила Катя.

— Что молчишь? Предлагай дальше свой бред.

— Катя подожди, не кипятись, Марина дело говорит. Есть в её словах рациональное зерно. Надо подумать.

Марина заручившись моей поддержкой показала Кате язык.

— Санёк, когда тут думать? Времени же в обрез, — вмешался в разговор Серёга. — Тогда поступим следующим образом, — я нахмурился, собираясь с мыслями. — Дайте мне немного времени. А чтобы вы меня не отвлекали, отправляйтесь в столовую минут на тридцать. Я за это время постараюсь что-нибудь придумать .

— Санёк, ты просто золото, а не человек! Дай обнять! — радостно воскликнул Володька, широко раскидывая руки. — Вовчик, обниматься будешь с Танюхой, когда её из дурки выпустят, а не со мной. — Эх, Санёк... Всю малину испортил. Так вот друзей и теряют. — Да идите уже, — поторопил я их. — Серёга прав, время не ждёт. В любом случае, мы ничем не рискуем. Получится — отлично. Не получится — это тоже опыт.

«Так, все разошлись. Пора браться за дело. Задача непростая, придётся напрячь извилины. Будь у меня доступ к технологиям будущего, я бы не парился: нейросеть сгенерировала бы хит за несколько минут. Но приходится работать с тем, что есть. Мой план таков: возьму за образец какую-нибудь песню из будущего. Музыку можно оставить оригинальной — кто предъявит претензии? Вот именно, никто. А слова я набросаю, ничего сложного. Начну с главного — с припева. Ключевая фраза — «Ирина Леонидовна». Так сразу будет понятно, кому посвящается этот трек»...

Из столовой ребята вернулись в благодушном настроении, сытые и довольные жизнью. Я как раз заканчивал — песня была практически готова, оставались сушие пустяки вроде репетиции. — Ну что, наш маэстро, озарение снизошло? — с ухмылкой спросил Володька, лениво

поглаживая живот. — Мы тут с Лёхой успели пари заключить, — он мотнул головой в сторону приятеля. — Надеюсь, я не проспорил? Он вперился в меня выжидающим взглядом. — Вовчик, постой-ка. Ты же, кажется, давал зарок больше не спорить? Или у меня с памятью плохо? — Он молча кивнул в знак согласия. — Так какого лешего ты опять за своё? Что на кону было? Хазов, видимо, уже догадываясь о подвохе, нехотя выдавил: — Обед. — Обед — это дело хорошее. Значит, меня угостят. — Это ещё почему? Мы с Лёхой вдвоём спорили, так что не лезь. Хотя, — он вдруг усмехнулся, — какая мне разница, кто платит, лишь бы не я. Забудь. Сегодня Лёха раскошеливается.

— Почему это я должен платить? — с ноткой обиды в голосе спросил Лёха, обнимая гитару. — Ответ очевиден, — парировал Вовчик. — Санёк песню не написал, а значит, спор ты проиграл. — Не торопись с выводами, Володя, — вмешался я, сочувственно глядя на Хазова. — Песня как раз готова и сейчас я вам её исполню. А после этого — я сделал многозначительную паузу, но Лёха тут же её заполнил. — А после этого нас ждёт пир горой за счёт Володьки! — громогласно объявил он. — Ты снова проиграл, приятель! Серёга позволил себе лишь тень улыбки, зато Катя и Марина рассмеялись от души. Лицо Володьки же помрачнело. — Не верю! — упрямо заявил он. — Не мог Санёк так быстро управиться. Вы меня разыгрываете! — Разыгрываем, говоришь? — Лёха передал мне гитару, словно эстафетную палочку. — Что ж, истина откроется через мгновение.

Друзья приготовились слушать. В глазах у всех, кроме Хазова, плясали искорки нетерпения. Я поправил перед собой лист с текстом, сыграл короткое вступление и мой голос наполнил комнату.

*Утром кофе остыл на столе
В отраженье зеркальном тоска
Дождь стучит по карнизу во мгле
Новый день открывай ворота
Ирина Леонидовна, сейчас вам не легко
Ирина Леонидовна, забудьте о былом
Ирина Леонидовна, азарт горит в глазах
Ирина Леонидовна, всё будет на ура.
Папки, цифры, отчеты и стресс
Позади бесконечный цейтнот
Этот день не добавит чудес
Где реальность меняет свой код.
Ирина Леонидовна, сейчас вам не легко
Ирина Леонидовна, забудьте о былом
Ирина Леонидовна, азарт горит в глазах
Ирина Леонидовна, всё будет на ура.
Суета дня стучит прямо в грудь
Жизнь качает, как в море волна
Время вспять не дано повернуть
Но сегодня всё будет не так.
Ирина Леонидовна, сейчас вам не легко
Ирина Леонидовна, забудьте о былом
Ирина Леонидовна, азарт горит в глазах
Ирина Леонидовна, всё будет на ура.*

Последний припев мы исполнили все вместе. Хазов, преобразившись, уверенно отбивал ритм на барабанах. Он даже забыл о том, что проспорил. Как только я закончил петь, ребята начали громко аплодировать, а Хазов — громче всех.

— Ну, Санёк, ты дал жару! — не скрывал он своего восторга. — Никогда бы не подумал, что ты на такое способен. Это не песня, а настоящее чудо! Макарская будет в восторге. — Это заслуга Марины, — признался я. — Она подкинула мысль в самый нужный момент. Сам бы я, честно, не догадался.

От моих слов щеки Марины залил румянец, такой яркий, что казалось, она вот-вот вспыхнет, словно сухая ветка от искры.

— Подумаешь, раз в год и палка стреляет, — скептически произнесла Катя, но её никто не услышал. Все были заряжены энтузиазмом.

— Марина, займись текстом, перепиши в трёх экземплярах, больше не надо. Парни, вот аккорды, вникайте, пока Марина слова тиражирует.

Я протянул ребятам листки с аккордами.

— Санёк, ты серьёзно, тональность «до диез»?

— А что тебя, Серый, не устраивает? Тем более «до диез» только во вступлении, — ответил я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно беззаботнее.

— Да нет, ничего. Как-то непривычно, — пробормотал он, но я видел, как в его глазах уже загорелся азарт. Вызов принят.

— А для нас чем непривычнее, тем естественнее, — поддержал меня Таран.

— Лично мне всё нравится. Марина, ты долго ещё писать будешь? Руки чешутся песню обкатать.

— Уже заканчиваю, — произнесла Марина, не поднимая головы.

Её каллиграфический почерк превращал мои корявые строчки в нечто значительное. Через мгновение она протянула мне нужные листы. Бумага ещё хранила тепло её рук. Я раздал тексты. Серый тут же прикрепил свой листок к микрофонной стойке, а девчонки — на пюпитр.

— Ну что, с богом? — спросил я, беря в руки свою старенькую, но верную бас-гитару.

— Вовчик, дай темп. Вступление быстрое, искромётное.

Володька кивнул и отсчитал палочками четыре тихих удара по ободу.

И Серёга взял первый аккорд. Тот самый «до диез». Он повис в воздухе, напряжённый и хрупкий, как тонкий лёд. Синтезатор запел под его пальцами, рассказывая историю без слов. Через пару тактов вступил Лёха, а за ним и я. В спешке я забыл сказать девчонкам где им вступать. Надеюсь сами разберутся не первый день с нами...

Песня закончилась не успев начаться. Однако первый блин комом не получился. Так, серединка на половинку. Ну, а что ещё можно было ожидать от первого проката? Я обвел взглядом нашу разношерстную компанию. Вовчик, сосредоточенно протирает тарелки тряпочкой, будто это был самый важный ритуал в его жизни. Его лицо выражало сдержанное удовлетворение. Никто из ритма не выбился, уже хорошо. Он поймал мой взгляд и коротко кивнул. Мол, жить будем.

Рядом с ним, прислонившись к стене, стояли наши «бэк-вокалистки» — Катя и Марина. Они тихонько перешептывались, хихикая, и в их глазах плясали озорные искорки. Они были довольны собой, и это было заразно.

— Ну что, как оно? — спросил я, обращаясь ко всем сразу.

— Нормально, — отозвался Хазов, не отрываясь от своих тарелок.

— Санёк, на удивление замечательно получилось, — поддержал его Лёха.

— Это точно, — поддержал Лёху Серёга. — Давайте ещё пару раз прогоним и на этом хватит.

Едва отзвучали последние аккорды нашего прогона, как дверь актового зала отворилась и вошла Верочка. Выглядела она свежее, чем вчера, что давало надежду на хорошие новости об её отчине. — Вера Николаевна, добрый день! — поприветствовал я секретаршу. — Что-то случилось? Только не говорите... — я осёкся, поняв, что упоминать Фёдорыча сейчас неэтично. — Я ещё ничего не успела сказать, — вздохнула она. — Просто напоминание от Ирины Лео-

нидовны: начало в двенадцать. Сперва торжественная часть, потом вы. — И сколько у нас будет времени? — Точно не знаю, — с ноткой беспокойства в голосе ответила Верочка. — Могу уточнить. — Не стоит, Вера Николаевна, сориентируемся на месте.

— Санёк, а этого монстра будем с собой брать? — спросил Серёга, после того как Верочка ушла. Он кивнул на «Вильнюс». Вопрос был скорее риторическим. Я видел, как Серый прикипел к этому аппарату, и понимал, что оставить пианолу здесь для него — не вариант.

— Серый, давай сделаем так, позвоним Дружининой и всё уточним. Согласен?

— Ещё спрашиваешь, конечно согласен. Давайте последний раз прогоним песню и пойдём звонить.

— Дельно говоришь. Тогда не будем терять время.

— Здравствуйте, Эмма Марковна. Это Махров из Грубова вас беспокоит. Надеюсь, вы меня ещё помните?

Связь, на удивление, была отличная, и мне показалось, что на другом конце провода Дружинина тяжело вздохнула.

— Здравствуй, Александр, — настороженно произнесла она. — Надеюсь, ты не с дурными новостями? — Что вы, Эмма Марковна, какие могут быть дурные новости! Наоборот, у нас всё хорошо. Ждём не дождёмся понедельника. Я звоню вам вот по какому поводу: мы ведь ни разу не обсуждали тему инструментов. Что нам нужно будет с собой взять? — Действительно, не обсуждали, — Дружинина, казалось, была немного удивлена. — Так, навскидку, я сейчас ничего определённого не скажу. Александр, перезвони мне минут через пятнадцать. К тому времени я всё выясню.

— Ну что, выяснил? — спросил меня Серёга, как только я положил трубку.

— Нет, На удивление Дружинина сама не в курсе дел. Оно и понятно, не её это уровень. Сейчас всё выяснит и я снова перезвоню. Не переживай, что-нибудь придумаем.

За окнами актового зала лютвал февраль, покрывая стёкла ледяной вязью, но нам внутри было тепло и по-праздничному торжественно. Воздух был пропитан терпким ароматом гуаши, исходящим от плакатов, которые принесла Верочка. Я почти убежден, то рисовала она их сама, на скорую руку. Желаящих помочь с оформлением, кроме нас, не нашлось, так что пришлось в срочном порядке развешивать всю эту агитацию. На самом видном месте красовался главный лозунг: «Слава Вооружённым Силам СССР!»

Зал постепенно наполнялся учащимися. Подавляющее большинство – девушки. Парней, на удивление, было совсем мало.

— Санёк, — обратился ко мне Хазов, — ты уверен, что сегодня конец февраля, а не начало марта?

— С чего ты взял? — с любопытством спросил я.

— Да ты сам посмотри: одни девчонки. Даже наших парней никого нет.

Не успел Володька договорить, как в зал вошли Серёга Гагура, Витя Теологов и Саня Епифанов. Они заняли самые дальние места. Серёга махнул нам рукой в знак приветствия.

— Легки на помине, — усмехнулся Хазов.

— Интересно, где же остальные? Им, что наши песни не нравятся? Или есть более веская причина?

Зал превратился в гудящий улей. Знакомых лиц было немало. Верочка скромно устроилась в конце зала, стараясь не привлекать внимания. Рядом с ней сидела Галя Макарская. Зато в первых рядах расположились мои новые знакомые: девушки-прибористы, Лена и Дана. Рядом с ними – строгие, подтянутые преподаватели. Многие из них сегодня надели парадные пиджаки, на лацканах которых скромно, но гордо поблескивали орденские планки и медали. Это были люди, прошедшие войну, знавшие цену миру и солдатскому долгу не понаслышке. А вот кого я так и не заметил в зале, так это Вольту и её неизменную подругу Галю Касьянову.

Прямо удивительно! "Моё единственное предположение сводилось к тому, что Ирина Леонидовна, по всей видимости, провела с Ольгой некую разъяснительную работу, что, вероятно, вызвало у последней чувство неловкости или раскаяния. Впрочем, насколько уместно говорить о 'стыде' применительно к нашей Вольте – вопрос открытый.

В виду отсутствия Левицкого, торжественное мероприятие открыла Ирина Леонидовна Макарская. Зал затих внимая каждое слово.

— Уважаемые преподаватели, мастера и дорогие учащиеся!

В этот понедельник вся наша великая страна отмечает один из самых значимых праздников – День Советской Армии и Военно-Морского Флота! Это день тех, кто мужественно стоял и продолжает стоять на страже мирного неба над нашей Родиной.

Позвольте объяснить, почему торжественное мероприятие проходит именно сегодня. В понедельник наш ансамбль отправляется в Глимск, где им выпала большая честь выступить на областном празднике, посвященном 23 февраля. Ребята будут выступать на одной сцене с профессиональными коллективами!

Притихший до этого зал взорвался гулом голосов. Ещё бы. Мало кто знал о нашей поездке в Глимск и эта новость многих ошеломила. Макарская дождалась когда голоса стихнут и продолжила.

— В начале мы хотели разбить праздничное мероприятие на два этапа. Однако вчера было принято решение об объединении поздравления с концертом.

— Ребята, учащиеся, многие из ваших наставников, — продолжила Макарская, обводя взглядом ряды преподавателей, — с оружием в руках отстаивали нашу свободу. Посмотрите на них! Евгений Константинович дошёл до Праги. Вениамин Егорович, служил на Северном флоте, гонял фашистские конвои. Ираида Марковна Фельдман воевала в составе партизанского отряда. Была ранена. Они — наша гордость, живой пример мужества и преданности Родине. Давайте поприветствуем наших ветеранов!

Зал взорвался аплодисментами. Смущённые ветераны, со строгими, но добрыми глазами, неловко поднимались со своих мест, а ребята аплодировали стоя, искренне и громко.

— Дорогие наши преподаватели и мастера! От всей души поздравляем вас с наступающим Днём Советской Армии и Военно-Морского Флота! Мы благодарим вас не только за знания и умения, которые вы даёте ребятам, но и за уроки мужества, чести и патриотизма. Глядя на вас, мы понимаем, что настоящий мужчина — это не только умелый рабочий, но и надёжный защитник своей страны. Подрастающее поколение, должно быть достойными вашего подвига! И готовы к труду и обороне!

Этот день в училище был не просто формальным праздником. Это был день единения поколений, день, когда суровые ветераны чувствовали себя нужными, а юные ребята — частью великой и сильной страны, которую им предстояло строить и защищать. И каждый из них, будь то седой мастер или безусый ученик, в этот февральский день чувствовал свою причастность к славной истории Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Затем начался наш небольшой концерт. Открыли мы его попурри, которое планировали исполнить в Глимске – своего рода генеральная репетиция в действии. С ребятами мы договорились, что песню, посвящённую Ирине Леонидовне, оставим на финал.

Наше выступление пролетело на одном дыхании, без пауз. Зрители были впечатлены и дружно зааплодировали, как только прозвучали последние аккорды. Учащиеся и преподаватели начали подниматься, чтобы покинуть зал, но я остановил их:

— Товарищи, наш концерт подошёл к концу, но он ещё не закончен!

Многие недоумённо уставились на нас, гадая, что это значит.

— Все вы знаете, как нелегко сейчас Ирине Леонидовне. Она вынуждена нести двойную нагрузку, работая за себя и за Фёдора Фёдоровича. Поэтому мы с ребятами решили немного

облегчить её труд. Итак, представляем вашему вниманию новую песню. Ирина Леонидовна, надеемся, она вам понравится и придаст вам как физических, так и духовных сил. Володя, счёт! Поехали!

Ирина Леонидовна, сейчас вам не легко

Ирина Леонидовна, забудьте о былом

Ирина Леонидовна, азарт горит в глазах

Ирина Леонидовна, всё будет на ура

В зале повисла тишина. Не та, что бывает перед грозой, а та, что наступает после оглушительного взрыва, когда уши еще гудят, а мозг отказывается воспринимать реальность. Несколько секунд, казалось, растянулись в вечность. А потом потом она взорвалась. Шквалом аплодисментов, таким мощным, что казалось, стены дрогнут. И сквозь этот грохот, словно яркая молния, пронзил воздух звонкий девичий крик:

— Браво! Саша, ты лучший! Я люблю тебя!

Я замер, чувствуя, как кровь приливает к лицу. "Картина Репина «Приплыли»", — пронеслось в голове. По-другому и не скажешь. Вот она, кульминация сегодняшнего мероприятия! Кто бы мог предположить?

Как могла Макарская-младшая дойти до такого? Пошла ва-банк? Или это был тщательно спланированный ход, который я, по своей наивности, не смог просчитать? И зачем только Леонидовна втянула меня в эту историю? твёрдо обещая, что все будет тихо, спокойно, без лишнего шума. А теперь теперь этот шум заглушает все.

Представляю, как на следующей неделе будут перемывать мне косточки в училище. Каждый мой шаг, каждое слово, каждый взгляд будет разобран на молекулы. Сплетни, пересуды, осуждение. Все это уже витает в воздухе, как предвкушение неизбежного. То-то Вольта не нарадуется такому информативному полю, которое можно с успехом переиначивать как угодно. Но мне уже плевать. Серьезно. Вот как-то так, в один момент, все эти переживания, обиды – они просто испарились. Осталось только это странное, опустошающее спокойствие. Я здесь больше не учусь. И вряд-ли кто-то или что-то сможет меня убедить в обратном. На репетиции приходить буду, но не более того.

Я улыбнулся. Слабо, но искренне. "Приплыли", — повторил я про себя. Да, приплыли. Но, возможно, это только начало нового плавания. И я готов к нему. Без страха. Без сожалений. Просто готов.

Хазов толкнул меня локтем в бок, кивая на Макарскую. Этот жест, такой обыденный и, казалось бы, незначительный, стал катализатором целой цепи событий, обнаживших нечто гораздо большее, чем просто неловкость. Ирина Леонидовна, залившись краской после слов дочери, не произнесла ни звука, покинула зал. Вот вам и последствия. Её стремительный уход, словно попытка раствориться в воздухе, только подчеркнул неловкость ситуации, превратив её в осязаемое, почти физическое присутствие.

Я видел, как некоторые преподаватели переглядываются, пытаясь скрыть усмешки, другие же, напротив, выглядели озадаченными. В их взглядах читалось любопытство, осуждение, а порой и нескрываемое злорадство. Я же чувствовал себя объектом пристального внимания всего зала, словно под микроскопом, и каждый взгляд, каждый шепот казался мне ударом. Сделав глубокий вдох, я мысленно махнул на всё рукой. "Да гори оно синим пламенем, два раза не умирают." Эта фраза, призванная стать якорем спокойствия в бушующем море моих эмоций, внезапно обернулась для меня ключом к совершенно иному измерению бытия. Глубокий вдох, призванный смыть тревогу, лишь усилил её, но уже в новом, пугающем и завораживающем обличье. Seriously? Два раза не умирают? А как же мой феномен? Эта мысль, словно молния, пронзила сознание, осветив его неожиданным, тревожным светом.

Моя "смерть" – это не конец. Это переход. Это перенос. И если это так, то привычное понятие "два раза не умирают" теряет всякий смысл. Я не могу быть уверен, смогу ли я умереть

снова, или же меня ждет очередной цикл переноса, вечная юность, запертая в постоянно меняющихся оболочках. Эта перспектива, лишенная привычных ориентиров, лишенная старости, увядания и, главное, покоя, оказалась куда более пугающей, чем любая физическая смерть.

Эти мысли, словно незванные гости, ворвались в мой разум, нарушив привычный, упорядоченный ход рассуждений. Они несли в себе оттенок чего-то грандиозного, непостижимого, чего-то, что выходило за рамки моего обыденного понимания мира. Игры Богов. Эта мысль, одновременно пугающая и завораживающая, заставила меня переосмыслить произошедшее. Неловкость ситуации с Ириной Леонидовной, усмешки преподавателей, моё собственное смущение – всё это вдруг показалось таким мелким, таким незначительным на фоне этих космических, непостижимых замыслов

Что, если я – лишь пешка в чьей-то грандиозной партии? Что, если моя "смерть" и "перенос" – это не случайность, а часть некоего эксперимента, некой игры, правила которой мне неведомы? Эта мысль, хоть и пугает, но и придает происходящему некий величественный, почти мистический смысл. Я не просто человек, переживший нечто необъяснимое; я – участник чего-то гораздо большего, чем моя собственная жизнь.

И вот, в этом новом свете, фраза «Да гори оно синим пламенем» приобретает совершенно иное звучание. Синее пламя – это не просто символ отчаяния или безразличия. Это пламя вечности, пламя трансформации, пламя, в котором я, возможно, обречен гореть бесконечно. Оно не уничтожает, а лишь меняет форму, оставляя суть неизменной. И в этом синем пламени, в этой вечной игре, я должен найти свой путь, свои новые ориентиры, свою новую цель. Ведь если два раза не умирают, а я уже "умер" и вернулся, то, возможно, моя истинная задача – не избежать смерти, а понять её, принять её как часть бесконечного цикла, и найти в этом цикле свой собственный, уникальный смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.